

О. Н. Трубачев

Труды
по ЭТИМОЛОГИИ
Слово·История·Культура

Том 4

О. Н. Трубачев

Труды
ПО ЭТИМОЛОГИИ
Слово · История · Культура

Том 4

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2009

ББК 81.2
Т 77

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 06-04-16037

Редактор-составитель
И. Б. Еськова

Трубачев О. Н.

Т 77 Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 4. — М.:
Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 696 с. — (Opera ety-
mologica. Звук и смысл).

ISBN 978-5-9551-0324-2

В 4-й том «Трудов по этимологии» выдающегося русского языковеда-слависта Олега Николаевича Трубачева вошли две монографии, изданные в 60-е годы прошлого столетия. Бесценные по своему научному значению труды и теперь, спустя полвека, не потеряли своей актуальности и будут безусловно востребованы современными исследователями с благодарностью к великим предшественникам. Первая книга «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» (1962), написанная совместно с В. Н. Топоровым, была встречена с огромным вниманием известными учеными-топонимистами, лингвистами, археологами и историками, которые в своих последующих исследованиях во многом опирались на книгу о гидронимии Верхнего Поднепровья. В работе «Названия рек Правобережной Украины» (1968) В. Н. Трубачев продолжает исследования по гидронимии с учетом тех многочисленных и заинтересованных отзывов, которые получила первая книга в научной критике, во многом уточняя и дополняя ее новыми материалами. Тесная смысловая связь между названными трудами определила их совместную публикацию в одном томе, что, несомненно, облегчает работу с обеими книгами.

Для лингвистов, филологов, историков языка, преподавателей филологических факультетов вузов, а также для всех интересующихся историей и культурой.

К настоящему изданию (Книга I) прилагаются тринадцать карт на компакт-диске.

ББК 81.2

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0324-2

© О. Н. Трубачев, 2009
© И. Б. Еськова, составление, 2009
© Рукописные памятники Древней Руси, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга I.

Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья

История вопроса.....	9
Проблематика и источники.....	29
Введение в классификацию гидронимов по формантам.....	44
Словообразовательные типы славянской гидронимии	
Верхнего Днепра.....	46
I. 1. <i>-ка</i> (46) 2. <i>-овка/-евка</i> (59) 3. <i>-увка/-ювка</i> (75) 4. <i>-авка/-явка</i> (76) 5. <i>-ивка</i> (77) 6. <i>-онка/-енка</i> (77) 7. <i>-инка</i> (84) 8. <i>-ынка</i> (91) 9. <i>-анка/-янка</i> (92) 10. <i>-унка/-юнка</i> (97) 11. <i>-ейка</i> (98) 12. <i>-айка/-яйка</i> (99) 13. <i>-уйка</i> (99) 14. <i>-атка/-ятка</i> (99) 15. <i>-оватка/-еватка</i> (99) 16. <i>-итка</i> (99) 17. <i>-отка/-етка</i> (99) 18. <i>-утка/-ютка</i> (99) 19. <i>-очка/-ечка</i> (100) 20. <i>-ачка/-ячка</i> (100) 21. <i>-ичка/-ычка</i> (100) 22. <i>-учка/-ючка</i> (101) 23. <i>-ушка/-юшка</i> (101) 24. <i>-ишка/-ышка</i> (101) 25. <i>-ашка/-яшка</i> (102) 26. <i>-ошка/-ешка</i> (102)	
Комментарии.....	(102)
II. 1. <i>-ок/-ек</i> (117) 2. <i>-ик</i> (118) 3. <i>-ак/-як</i> (120) 4. <i>-ук</i> (120) 5. <i>-ец</i> (120) 6. <i>-иц</i> (125) 7. <i>-ки</i> (125) 8. <i>-цы, -ицы</i> (125) 9. <i>-ица</i> (125) 10. <i>-ца</i> (131) 11. <i>-ища, -ище, -ищи</i> (131)	
Комментарии.....	(132)
III. <i>-ля</i> (143)	
Комментарии.....	(144)
IV. 1. <i>-ня/-на</i> (148) 2. <i>-ень</i> (156) 3. <i>-ань</i> (157) 4. <i>-ынь</i> (158) 5. <i>-унь</i> (158) 6. <i>-инь</i> (158) 7. <i>-ин/-ина/-ино</i> (158) 8. <i>-(ц)изна</i> (160) 9. <i>-ыня</i> (161) 10. <i>-иня</i> (161) 11. <i>-уня</i> (161) 12. <i>-еня/-оня</i> (161) 13. <i>-ена</i> (161) 14. <i>-ана/-яна</i> (161) 15. <i>-ан</i> (161) 16. <i>-ун, -он</i> (162) 17. <i>-нь</i> (162)	
Комментарии.....	(162)

V. -ь (172)	
Комментарии.....	(177)
VI. -ея (181)	
Комментарии.....	(181)
VII. 1. -ита (183) 2. -ичи (183) 3. -ета, -ето, -ут(а), -ята, -ата (183) 4. -ча (183)	
Комментарии.....	(184)
VIII. 1. -иха (189) 2. -уха (189) 3. -аха, -оха (189) 4. -уша, -иша, -ыша, -оша, -аша, -яша (189)	
Комментарии.....	(190)
IX. 1. -ый/-ий, -ая/-яя, -ое/-ее, -ья, -ье, -0 (нулевое окончание), -а, -о (192) 2. -ов/-ев, -ова/-ева, -ово/-ево (203)	
Комментарии.....	(206)
X. 1. Pluralia tantum (210) 2. -ье/-ья (210)	
Комментарии.....	(211)
XI. 1. -ва, -ава, -ива (213) 2. -са, -аса, -еса, -оса, -уса (213) 3. -ша (214) 4. -жа (214) 5. -га (215) 6. -ма (-мо) (215)	
Комментарии.....	(215)
Замечания о следах балтийских словообразовательных типов в гидронимии Верхнего Поднепровья.....	222
Этимологический словарь гидронимов Верхнего Поднепровья.....	243
I. Балтийские названия.....	244
II. Славянские названия.....	302
III. Прочие названия.....	314
Этническая и диалектная дифференциация Верхнего Поднепровья на материале гидронимии.....	324
Индексы.....	355
Список помещенных карт.....	380

Книга II.

Названия рек Правобережной Украины.

Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация

Введение.....	383
Обратный словарь гидронимов.....	394
Словообразовательный комментарий к обратному словарю гидронимов....	441
Этимологический комментарий (индекс).....	650
Итоги этнолингвистической интерпретации гидронимов.....	673
Корректирующее дополнение.....	692

Книга I

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГИДРОНИМОВ
ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ**

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Эта работа обязана своим возникновением инициативе члена-корреспондента Академии наук СССР проф. П. Н. Третьякова, который в течение ряда лет интересовался изучением Верхнего Поднепровья в археологическом плане. Одним из намерений П. Н. Третьякова было создание комплексного исследования этой территории, включающее как археологический, так и лингвистический анализ. Однако в ходе настоящего исследования выяснилось, что состояние лингвистического материала по Верхнему Поднепровью столь неудовлетворительно, что мы сочли целесообразным ограничиться изложением собственно лингвистической стороны дела, отказавшись на данном этапе от координации результатов лингвистического исследования с археологическим. Мы считаем своим долгом выразить благодарность П. Н. Третьякову за его почин и постоянное внимание к нашей работе. Мы также благодарны Г. П. Клепиковой, помогавшей нам в оформлении карт.

В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев.

Хорошо известно значение лингвистических данных для реконструкции древнейших периодов истории и для восстановления картины этнических контактов в далеком прошлом. Значение этих данных особенно велико в тех случаях, когда отсутствуют другие источники и прежде всего письменные свидетельства. Но и при наличии последних мы не вправе пренебрегать лингвистическими данными, хотя бы в силу того, что они почти всегда помогают раскрыть состояние более древнее, чем то, которое отражено в письменной традиции. Кроме того, значение лингвистических свидетельств заключается еще и в том, что они, будучи в своем большинстве непрозрачными для носителей соответствующего языка, гарантируют большую сохранность от раз-

личных сознательных изменений и переосмыслений, столь частых в исторической традиции. В свою очередь это объясняет преимущества в степени объективности лингвистических свидетельств. Археологические данные, которые по своей древности успешно соперничают с лингвистическими или даже превосходят их, проигрывают при сравнении с последними, во-первых, потому, что они являются более многозначными с точки зрения этнической интерпретации, а во-вторых, потому, что при отсутствии сведений о лингвистической ситуации на данной территории факты археологии остаются немymi.

Благодаря этим особенностям лингвистического материала стало возможным возникновение специальной науки о древностях, ставящей перед собой задачу воссоздания существенных черт древнейшей жизни на основании лингвистических данных. Труды Куна, Пиктэ, Шрадера, Файста, Мерингера, Неринга, Тиме восстанавливают фрагменты индоевропейской древности по лингвистическим фактам. Более того, эти факты позволяют в ряде случаев обнаружить следы существования на данной территории давно исчезнувших языков, о которых никаких других свидетельств не дошло, и выявить некоторые важные эпизоды из истории древнейших взаимоотношений известных языков и этнических комплексов. В некоторых случаях, как например в финноугроведении, вообще большая часть сведений о древностях добыта с помощью анализа лингвистических данных.

Среди лингвистических фактов особое место занимают те, которые содержат указание на территориальную приуроченность и тем самым вводят в более конкретный исторический контекст языковой материал, представляющий ранее исключительно в лингвистическом плане. Территориальная приуроченность названия включает в себе некоторые дополнительные возможности уточнения реального первоначального содержания этого названия. Речь идет о топонимии в самом широком смысле слова. В тех случаях, когда интересы исследователя сосредоточены на древнейших периодах, целесообразнее выделить ту часть топонимии, которая представляет названия вод, поскольку эти названия, как известно, обладают наибольшей устойчивостью.

Основной задачей нашего исследования является анализ гидронимов верхнего Днепра¹ с целью воссоздания древнейших языковых, а через них и этнических отношений в этом важном районе. Выбор именно этого района продиктован тем, что на основании некоторых предварительных соображений можно считать территорию Верхнего Поднепровья и непосредственно прилегающих областей ареной наиболее интенсивных контактов основных

¹ По несколько расширенному определению, под верхним Днепром понимается здесь та часть днепровского бассейна, которая с юга ограничена Припятью и Десной, включая правобережье Сейма (с левой стороны Днепра).

этнических комплексов Восточной Европы. Этот район характеризуется с самого раннего времени, доступного наблюдению, особой пестротой и сложностью этнического состава по сравнению с большинством соседних территорий, довольно однородных в упомянутом отношении. От территорий, расположенных дальше к югу, исследуемый нами район отличается гораздо большей стабильностью отношений. Синтетическое изучение гидронимов Верхнего Поднепровья могло бы содействовать решению целого ряда проблем: границы распространения балтов (включая сюда вопрос о выявлении диалектной принадлежности балтийских гидронимов), ареал финской гидронимии на указанной территории (прежде всего проникновение гидронимов волжско-финского типа в западном направлении и прибалтийскофинского — в южном), направление и основные рубежи восточнославянской миграции, характер установления контактов славян с балтами и финнами в связи с вопросами хронологии.

Специально лингвистическое значение имеет возможно полный сбор материала по гидронимии данного района (кстати, эта задача не может до сих пор считаться целиком выполненной), установление основных гидронимических типов и выявление изоглоссных областей. К сожалению, мы еще и сейчас не вышли из стадии собирания материала и этимологического толкования отдельных наиболее очевидных случаев.

Гидронимия Верхнего Поднепровья уже давно привлекала внимание исследователей. Правда, при этом нужно отметить, что каждый исследователь ограничивал, как правило, свою задачу относительно узкими рамками в соответствии со своими интересами. Все эти исследования, несомненно, обогащали наши представления об этом районе (прежде всего в плане этимологического объяснения гидронимов), тем не менее в результате этих исследований пока не удалось создать целостную картину состава верхнеднепровской гидронимии, не говоря уже о реальных этнических отношениях. Однако вся история изучения гидронимии и языковых отношений в этом районе в целом с необходимостью заставляет считать упомянутую задачу первостепенной.

С самого начала интерес к изучению гидронимии верхнего Днепра определялся стремлением исследователей очертить более древнюю территорию расселения балтийских племен (говоря конкретно, всякий раз имелись в виду древние литовцы). Но уже задолго до появления первых специальных лингвистических исследований в этой области в ряде работ краеведов и специалистов по статистической географии западных губерний (прежде всего Минской, Виленской, Гродненской) обращалось внимание на изменение этнического состава населения, связанное с отступлением литовского элемента в северном и северо-западном направлении. Любопытно отметить, что уже в середине XIX в. некоторые ученые сознавали необходимость привлечения топонимических данных для решения вопроса о соотношении балтийского и

славянского этнического элемента. Так, уже А. Киркор² указывал, что для определения соотношения этих двух элементов необходимо «исследовать названия древнейших мест, рек, озер и т. д. и из наречий, которым принадлежат эти названия, определить границы». Нужно думать, что работа такого рода и подобные выводы послужили толчком для начала лингвистических исследований, посвященных соотношению названных элементов. Первым из этих исследований была известная статья А. А. Кочубинского «Территория доисторической Литвы»³. Согласно мнению Кочубинского, территория древнего расселения литовцев ограничивалась с юга северным бассейном Припяти, а с востока — бассейном Березины. Ему удалось среди имевшегося в его распоряжении гидронимического материала обнаружить несколько десятков названий рек и озер в Белоруссии предположительно балтийского происхождения. Некоторые из его этимологий оказались вполне приемлемыми и сохранили свое значение до настоящего времени. К их числу можно отнести следующие: *Береишта*, левый приток Ясы и озеро в б. Борисовском у., ср.: *Беришта*, *Беритуп*, *Беритупни* (Спрогис⁴), лит. *Beršta*, *Bérštas*, озеро около деревни *Bérštai*, б. Гродненский у., *Bérštalīs*, ручей, б. Поневежский у., *Béržtalīs*, Ионишкский р-н, *Béržtas*, Алитусский р-н, лит. *Bežti* 'белеть'; *Ула* (*Улла*), приток Западной Двины, ср. лтш. *ōla* 'галька', лит. *uolà* 'скала'; *Уса*, приток Березины, ср. *Уса*, приток Немана, лит. *úosis*, диал. *ousis* 'яшень', лтш. *ōsis* 'то же', ср. *Яшень*, приток Березины; *Клева*, приток Березины, ср. лит. *klėvas* 'клен'; *Ольса*, приток Березины, ср. *Ольса*, *Альса* (Спрогис), лит. *al̃ksnis*, *eĩksnis*, лтш. *alksnis* 'ольха'; *Свида*, приток Березины, ср. лит. *svidùs* 'блестящий' и др. К этому перечню можно было бы добавить ряд бесспорно балтийских гидронимов Белоруссии, приводимых Кочубинским без этимологии.

В книге А. Л. Погодина «Из истории славянских передвижений» (Варшава, 1901), гораздо более широкой по своей тематике и посвященной вопросам древнейшего расселения славян и их контактам с другими народами, отведено особое место рассмотрению результатов исследования Кочубинского, с рядом положений которого автор солидаризируется. Вместе с тем Погодин значительно расширяет территорию древнего распространения балтийских племен, главным образом в восточном направлении. Именно он впервые обратил внимание на реликты балтийской гидронимии в бассейне Оки: названия рек *Упа*, ср. лит. *ùpė*, лтш. *upe* 'река'; *Жиздра*, ср. *Жиздра*

² А. Киркор. Этнографический взгляд на Виленскую губернию // Вестник РГО. Ч. 20. 1857. С. 235—236.

³ ЖМНП. 1897. Январь. С. 60 сл.

⁴ И. Я. Спрогис. Географический словарь древней Жомойтской земли XVI столетия, составленный по 40 актовым книгам Россиенского земского суда. Вильна, 1888.

(Спрогис), др.-прусс. *Suxdro*, название ручья, лит. *Ziëgzdris*, река, *Žiëzdras*, озеро в Утенском р-не, *žigždras* 'крупный песок'. Помимо этого Погодин дополняет список балтийских гидронимов Белоруссии у Кочубинского несколькими убедительными сопоставлениями: *Лоша* (бассейн Припяти), ср. *Лоша* приток Вилии, лит. *lašis* 'лосось', сюда же *Лашанка* (бассейн Немана)⁵; *Жовин*, озеро в б. Минской губ., ср. лит. *žuvinas* 'рыбный'; *Мигото*, озеро в б. Минской губ., ср. лит. *miegótas* 'сонный'; *Галы*, названия многочисленных болот (Минская губ.), *Гало*, озеро, ср. лит. *gālas* 'конец'. Погодин выдвинул далее предположение, что характерным реликтом балтийской колонизации следует считать наличие гидронимов с корнем *nar-/ner-*, ср. *Narew*, *Нара* (бассейн Оки), а также др.-прусс. *Narien*, *Narussa*, *Ponarinne*, лит. *Nėris*, *Nārupė*, лтш. *Nāružas*. Поиски балтийских гидронимов на востоке, в бассейне Оки, с необходимостью поставили перед Погодиным вопрос о древнейшей балто-финской этнической границе, которую он, однако, относил слишком далеко на восток, в пределы Тамбовской и Пензенской губерний (названные территории в эпоху предполагаемых балто-финских контактов были, по всей вероятности, заселены целиком волжскими финнами). Установление территориальной смежности между балтийским и волжскофинским гидронимическими ареалами включает в себе возможность правильной интерпретации языковых связей балтов и волжских финнов. К сожалению, эти проблемы были затронуты Погодиным крайне бегло, в виде намеков⁶.

Новый значительный этап в исследовании гидронимии интересующего нас района представлен главным образом трудами К. Буги. С появлением работ Буги связано начало более широкого и систематического обследования древней балтийской топонимии Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий вплоть до бассейна Оки. Ряд обстоятельств способствовал успешной работе Буги в этой области: будучи, в отличие от своих предшественников, специалистом по балтийским языкам, Буга ко времени написания своих первых работ по гидронимии (1913) обладал исключительной компетентностью в вопросах топонимии собственно балтийских территорий. Это давало ему возможность при этимологическом анализе гораздо более систематично оперировать сравнениями гидронимов Белоруссии и Смоленщины не только с одними апеллативами, но и с соответствующими гидронимами с территорий Литвы, Латвии и Пруссии. В связи с этим не случайно, что именно Буга впервые наметил вопрос о словообразовательных типах гидронимов: названия на

⁵ Несколько иначе — *M. Vasmer*. REW. Bd. II. S. 64 [где и остальная литература].

⁶ Вопросом о древних границах распространения литовцев, в том числе и о восточных, интересовался Е. Ф. Карский (Белорусы. Т. I. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903. Гл. II—III). Однако его этимологиями нужно пользоваться с максимальной осторожностью.

-esa-, -asa, -eta⁷, названия на -da⁸. Ему же принадлежит заслуга постановки вопроса об относительной хронологии языкового состояния балтов и славян к моменту их контактов на этой территории. Таким образом, вопрос о приходе славян в Верхнее Поднепровье впервые был поставлен в более или менее определенных временные рамки. Исследуемые языковые отношения Буга пытался всякий раз представить себе на фоне реальной исторической обстановки, преследуя цель воссоздания синтетической картины этнических отношений. В отличие от своих предшественников, ставивших себе задачу очертить ареал балтийской гидронимии без попытки исторической интерпретации, Буга создает довольно стройную и целостную концепцию, согласно которой наличие балтийских гидронимов в Белоруссии к северу от Припяти свидетельствует о том, что именно в этих местах находились первоначальные поселения балтийских племен (славяне, по Буге, сидели южнее Припяти). Вся дальнейшая история балтов представлялась литовскому ученому как непрерывное отступление под давлением славян с одновременным продвижением к северу и западу по направлению к Балтике. Последний этап продвижения и расселения балтов на территории современных Литвы и Латвии (VIII—XIII вв.) был особенно детально исследован Бугой в ряде работ, написанных им уже в конце жизни. В связи с этим Буге удалось дать довольно полную картину диалектного членения балтийских племен, поскольку это отражено в гидронимии. Таким образом, были впервые очерчены некоторые диалектные гидронимические районы (куршей, селиев, ятвягов, земгалов⁹).

Что касается первоначальных балтийских территорий, то подробнее всего исследованы Бугой гидронимы Белоруссии. Относительно южной границы расселения балтов, совпадающей с таким крупным естественным рубежом, как Припять, у Буги не было никаких сомнений. К сожалению, гораздо меньше внимания уделял Буга вопросу о восточных и юго-восточных границах балтийской территории. Сам Буга меньше занимался специально этими

⁷ К. *Būga*. Kalbų mokslas bei mūsų senovė // «Ateities» leidinys. Kaunas, 1913. № 10; *Он же*. Rinkiniai raštai. T. I. Vilnius, 1958. S. 416; *Он же*. Kann man Keltenspuren auf baltischem Gebiet nachweisen? // RS. T. VI. 1913; *Он же*. Rinkiniai raštai. T. I. S. 508—509, 517—518.

⁸ К. *Būga*. Jotvingų žemės upių vardų galūnė da // *Tiž*. Kn. I. 1923. S. 100.

⁹ К. *Būga*. Upių vardų studijos ir aisčių bei slavėnų senovė // *Tiž*. Kn. I. S. 1 ff.; *Он же*. Aistiškos kilmės Gudijos vietovardžiai // *Tiž*. Kn. I. S. 20 ff.; *Он же*. Kalba ir senovė. Kaunas, 1923; *Он же*. Die Vorgeschichte der aistischen (baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung // *Slreitbeig-Festgabe*. Leipzig, 1924. S. 22 ff.; *Он же*. Aisčių praeitis vietų vardų šviesoje. Kaunas, 1924 (литовский вариант предыдущей статьи на нем. яз.); *Он же*. Lietuvių įsikūrimas šių dienų Lietuvoje // *Tiž*. Kn. II. 1924. S. 1 ff.; *Он же*. Šis-tas iš lietuvių ir indoeuropiečių senovės // *Tiž*. Kn. II. S. 98 ff.; *Он же*. Lietuvių kalbos žodynas. I. Kaunas, 1924. S. 1 ff. — Ср. развитие идей Буги в работах И. Плакиса, П. Шмитта, Э. Блесе и других в сборнике «Die Letten» (Rīgā, 1930).

районами и к догадкам предшественников, находивших здесь балтийские следы, склонен был относиться с известным сомнением. Однако в последних его статьях обозначалась тенденция расширить представления о вероятной древней территории балтов, за счет включения районов, к юго-востоку¹⁰.

Буге мы обязаны многочисленными этимологиями гидронимов, причем значительная часть этих этимологий может быть отнесена к числу бесспорных достижений. Если говорить об общем количестве предложенных Бугой этимологических объяснений, то оно намного превосходит количество этимологий Кочубинского и Погодина. К достоинствам гидронимических этимологий Буги следует отнести необыкновенно полное использование самых различных письменных источников, что позволило ему угадать старые балтийские названия в славянских по внешности гидронимах. Мы не приводим этих примеров, как и многих других, поскольку это заняло бы слишком много места; те из них, которые окажутся нужными в ходе исследования, будут приведены нами позже.

Следующий важный этап в исследовании гидронимии верхнего Днепра и смежных территорий представлен работами М. Фасмера, относящимися главным образом к 30-м годам. Но прежде чем перейти к характеристике этого периода, уместно сказать несколько слов о работах А. А. Шахматова и А. И. Соболевского. Эти работы не оставили глубоких следов в изучении данных территорий, но вместе с тем содержали существенно новые положения, подвергшиеся критике как со стороны Буги, так и со стороны Фасмера. Прежде всего следует упомянуть о работах Шахматова, связанных с решением вопроса о славяно-кельтских и славяно-финских языковых отношениях¹¹. Однако, решая эти вопросы прежде всего на материале лексических заимствований, Шахматов пренебрегал топонимическими данными, что в сочетании с игнорированием хронологии создавало несколько искусственные сложности, состоявшие в мнимой необходимости локализовать этнические комплексы относительно друг друга так, как если бы контакты этих комплексов осуществлялись в одну и ту же эпоху. Чтобы согласовать разнородные показания лексических заимствований, Шахматову пришлось искать исконную родину славян в бассейнах Западной Двины и нижнего течения Немана, балтов — на среднем и верхнем течении Немана, а также на северных притоках Днепра, западных финнов — по обеим сторонам Припяти, древней мордвы — по верхнему Днепру и по Десне. В связи с этим Шахматов был склонен объяснять ряд гидронимов Прибалтики из кельтского, что вызвало

¹⁰ Ср.: К. *Būga*. *Sožies paupio lietuviai* // *Tiž.* Kn. II. S. 114.

¹¹ А. А. Шахматов. К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях // *Известия АН.* VI серия. 1911. С. 707 сл., 791 сл.; А. *Schachmatov*. *Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen* // *AfslPh.* Bd. 33. 1911. S. 51 ff. — Те же положения развивались Шахматовым и в общих курсах.

справедливую критику Буги и Фасмера¹². В отличие от Шахматова Соболевский много занимался изучением гидронимии, однако в своей работе, имеющей непосредственное отношение к Верхнему Поднепровью, он оперирует, помимо летописных свидетельств, немногочисленными литовскими лексическими заимствованиями в русских диалектах Смоленщины: *нетра* 'трясина', *твань* 'болото из озера, топкое место', *лазбен(ь)* 'кадка без обручей', *луста* 'ломоть', *рупит (мне)* 'думается мне', *мяреча*, *мереча* 'трясина'. Та Литва, о которой упоминается в I Новгородской летописи и в Лаврентьевском списке, локализуется Соболевским в пределах Витебской и Смоленской губерний, доходя до Западной Двины на севере и до Волги на северо-востоке. Крайнее место на востоке занимала летописная *голядь* (верховья Протвы)¹³. По сравнению с более ранними работами Кочубинского и Погодина статья Соболевского интересна в двух отношениях: во-первых, как попытка определить северо-восточную границу распространения балтийских племен, ранее совершенно не исследовавшуюся, и, во-вторых, стремлением подкрепить исторические данные материалом диалектных заимствований из балтийских языков. К сожалению, до сих пор восточнославянская диалектная лексика балтийского происхождения не собрана и не изучена. Однако следует отметить, что Соболевский делает заключения по существу на ограниченном материале и к тому же излишне упрощенно интерпретирует имеющиеся в его распоряжении факты, ср., например, его преувеличенные суждения о расселении голяди на основании нескольких топонимов.

В применении к этим территориям Соболевского интересовал и другой вопрос — о границе между финнами и балтами, которую он помещал в Тверской, Смоленской и Московской губерниях¹⁴. Примерно на тех же территориях Соболевский локализовал контакты общеславянского с финским, ссылаясь на фонетическую форму некоторых этнонимов и топонимов: *Ижора*, *Ямь*, *Весь*, *Серегърь/Селижарь*. В настоящее время хронология этих аргументов может считаться явно завышенной. Соболевский и позднее неоднократно обращался к словообразовательному и этимологическому анализу гидронимов Верхнего Поднепровья и смежных областей, однако если слово-

¹² *K. Būga*. Kann man Keltenspuen auf baltischem Gebiet nachweisen? S. 1 ff.; *M. Vasmer*. Kritisches und Antikritisches zur neueren slavischen Etymologie // RS. T. V. 1912. S. 119 ff. — Показательно, что сам Шахматов, по-видимому, признавал уязвимость своей теории, поскольку в дальнейших работах он был вынужден допустить существование второй прародины в бассейне Вислы.

¹³ *А. И. Соболевский*. Где жила Литва? // Известия АН. VI серия. 1911. № 12—18. С. 1051 сл. — Ср. критику Соболевского у К. Буги и М. Фасмера: *K. Būga*. Kalbų mokslas bei mūsų senovė; *M. Vasmer*. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. I. Die Ostgrenze der baltischen Stämme // Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse. Berlin, 1932. S. 641 ff.

¹⁴ *А. И. Соболевский*. Древнейшее население Верхнего Поволжья. Тверь, 1912.

образовательный анализ до сих пор не утратил своей поучительности, то этимологические объяснения во многом обесцениваются предвзятой интерпретацией их с точки зрения иранского (скифского материала)¹⁵.

Поскольку, как отмечалось выше, восточные границы распространения балтийской гидронимии в работах Буги не получили достаточно подробного освещения, понятно, что эта проблема должна была в первую очередь привлечь внимание ученых, обращавшихся к исследованию данного района после Буги. Впервые вопрос о восточной границе балтов был поставлен как центральный в первом из серии этюдов Фасмера по этнической истории Восточной Европы на материале гидронимии¹⁶. Эта работа являлась закономерным этапом в систематическом обследовании восточноевропейской территории. Ей предшествовал ряд работ, посвященных древнейшей истории районов, расположенных на юг и юго-запад от балтийских территорий¹⁷. В книге об иранцах в Южной России Фасмером была определена северная граница распространения иранских гидронимов, пролежавшая приблизительно в пределах б. Курской и Орловской губерний, ср. названия рек *Апака*, приток Сейма < иранск. **āpaka-*, ср. др.-перс., авест. *āp-* 'вода'; *Хан*, *Хон*, река бассейна Сейма, ср. авест. *χαп-* 'источник, колодец'; *Осмонь*, река бассейна Сейма, *Каменная Осмонька* (там же) < иранск. **astanya-* : *astan-* 'камень'. Установление северной границы иранской гидронимии оказывает большую услугу решению вопроса о юго-восточных границах балтийского ареала, который и после работ Фасмера остается наименее ясным.

Что касается восточной границы балтов, она прослежена Фасмером на большом пространстве, включающем территории б. Тверской, Смоленской, Московской, Калужской, Тульской, Черниговской, Орловской губерний. Таким образом, прежнее собрание балтийских гидронимов Буги, охватывающее Белоруссию и отчасти Смоленщину, оказалось пополнено несколькими десятками новых названий, около половины которых находится на смоленских территориях, ср. *Бержа*: лит. *biržis*, *biržė*, лтш. *biŗzs* 'береза'; *Дго*, название озера, < **Дъго*: лтш. *duga* 'густая слизь на воде'; *Толжа* < **Тължа*: лит. *Tilžė*, приток Немана; *Ужепа*: лит. *oŗū̃s* 'козел', др.-прусс. *ape* 'река'; *Вонь* < **Онь*:

¹⁵ А. И. Соболевский. Лингвистические и археологические наблюдения. Вып. 1—2. Варшава, 1910—1912; *Он же*. Как исследовать местные названия? // ИОРЯС. Т. XXIII. Кн. 1. 1918. С. 183 сл.; *Он же*. Zur russischen Ortsnamenforschung // ZfslPh. Bd. II. 1925. S. 51 ff.; *Он же*. Названия рек и озер русского севера. Л., 1927; *Он же*. Славяно-скифские этюды. I—XVIII. Л., 1928; *Он же*. Заметки по славянским древностям // ИОРЯС. Т. XXXI. 1926. С. 1 сл.; *Он же*. Русско-скифские этюды. Л., 1924; *Он же*. Новые русско-скифские этюды // ИОРЯС. Т. XXXI. 1926. С. 10 сл.

¹⁶ М. Vasmer. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. I. S. 637 ff.

¹⁷ Среди них особое значение имеют: М. Vasmer. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iränier in Südrußland. Leipzig, 1923; *Он же*. Die Urheimat der Slaven // Der ostdeutsche Volksboden. Breslau, 1926. S. 118 ff.